



Марк ХАРИТОНОВ

/ Москва /

Из тетради провинциального стихотворца

Тетрадь

Серенький свет в окне, все тот же пейзаж
Из грязи или из пыли, разъезженной колеи,
Поленницы у забора. В разреженной пустоте
Можно бы задохнуться — если бы не тетрадь.

Набиты соломой чучела, в окаменелость
Зябких палат музея уже не вернется жизнь,
Усыплены экспонаты, выцвели или покрыты
Патиной, — хочешь сказать, паутиной, — звучит.

Гласные поневоле растягиваются в зевоте,
Полууродство слышится в полуродстве.
Надо открыть тетрадь. На голубые линейки
Слетаются — ласточками на провода — слова,

Выстраиваются в строки, хотят вместить
Полноту неприглаженную, без красот.
Вдруг возникает что-то, бутылочное стекло
Замечено солнцем, сверкает, как бриллиант.

На патефонной уже инвалидной пластинке
Слышишь не хрип одышки — музыку сквозь него.
Тоска находит слова, чтобы в них раствориться.
Не совладать бы с жизнью, если бы не тетрадь.

Дужу внезапный ливень ландышами засадит.
Небо очистится снова. Засияв синевой,
На тоненьких детских шейках поднимут
Капельные головки воспрявшие купола.

Письмо никуда

Герань оправляется понемногу,
 Болела с тех пор, как не стало тебя,
 И кактусы уже ко мне привыкают,
 Не колются, когда я с ними вожусь.

Дом в себя никак не придет, заставляет
 Наткаться на вещи, утерявшие смысл,
 Половицы откликаются стоном, вздыхают.
 Дверцу шкафа не открываю — боюсь.

Не посолю еду — проглочу, не заметив.
 Вкус, как и радость, перестал ощущать.
 Половинкой, безжизненной, как обрубок,
 Стало бывшее полным — когда на двоих.

Все на той же странице раскрыта книга,
 Силюсь вспомнить начало, дальше читать.
 Расплываются строки, сквозь слепую бумагу
 Проступает что-то, написанное не здесь.

Рассеивается туман, омыто слезами утро,
 Я вижу озеро наших с тобой времен,
 Светясь, легче ртутного отражения,
 Из него не выходишь — поднимаешься ты.

Меланхолия

Бескрайний зеленый разлив угнетает так же,
 Как однообразие снежной равнины. Вспомнишь
 Мартовскую прозрачность, нежность лиловой дымки,
 Акварель краснотала, первый легкий пушок,
 Ожидание полновесной зелени. Но ведь не до оскомины.
 Хорошо, что не в тропиках. Начинаешь снова
 Дождаться чего-то. Природа хоть обнадеживает
 Возможностью повторения. Чего не скажешь о жизни.

Предместье

Разросшееся предместье. К городу все не выйти.
 Спросил дорогу у местного — осоловелый взгляд:
 «Какой тебе город? Нету его. Без него обойдешься.
 Здесь оставайся выпить». Может быть, он и прав.

Дом, многократно латаный, уходит по пояс в землю.
 Куча гниющих досок подпирает забор.
 Назначены для чего-то, так и не пригодились,
 Тронуты мшистой плесенью, становятся вместе с ней

То ли трухой, то ли почвой. Над ними уже поросль —
 Возможно, новые доски — если будут нужны.
 Сколько идешь — все то же. Выбраться из предместья —
 Жизни, глядишь, не хватит. Вдруг города вправду нет?

Труд жизни

Что для бесконечности единица (допустим, ты),
 Или хоть миллион (добавляя нули)? Сколько угодно
 Вычти из бесконечности — останется, чем была.
 Математиков слушать обидно. Хочется все же
 Что-то значить, не исчезнуть совсем без следа,
 После себя оставить хоть имя, надпись на камне.
 Но что из нее узнают? Язык не смогут понять.
 Будущие пришельцы, снизаясь, различат с высоты
 Знаки, сложенные из мощных глыб: икс, игрек
 Да начало третьего. Чтоб завершить труд жизни,
 Не хватило, скажут, времени или камней.

Похоронное

Умер, ну, что тут скажешь. Каждому предстоит
 Подвергнуться той же тягостной процедуре.
 Слякотная погода. Без головного убора
 Можно и простудиться. Затягивать ни к чему.

Выпить бы, отогреться. Может, шум в голове
 Позволит оттаять чувству. Трезвую мысль трудней
 Совместить с событием, чем пение на поминках,
 Похожее больше на задушевный вой.

Охрана

Охрана музейных ценностей — как же теперь без нее?
 Спасибо, что согласились за мизерную оплату.
 Сами себя обслуживают, подкармливаются с огорода.
 Нас допускают не сразу, придираются к документам,
 Хотя читать по-нашему не умеют. Делают свое дело.
 Неловко, что иногда приходится им мешать.

* * *

Овладевают уверенно жизнью умеющие
 Отбросить сомнения, оговорки, знающие,
 Что истина должна быть одна и доступна,
 Во всяком случае, им. Такие долго не станут
 Распутывать там, где практичнее разрубить,
 Рассуждениям предпочтут чеканные фразы,
 Общепринятым вкусам не противопоставят

Своих, не станут слишком тонко шутить —
 Могут не так быть поняты. Достаточно вообще
 Клавиатуры не слишком сложной. Полутона,
 Оттенки, тонкости лучше оставить другим,
 Неуверенным, непрактичным. Эти готовы
 Задержаться на несущественном, их смущает
 Мысль, что истине противостоит иногда
 Не заблуждение — истина еще глубже.
 Не восхитившись вовремя тем же, что все,
 Остаются каждый раз на обочине, могут там
 Смаковать переливы соловьиного пения,
 Тонкой мысли, сравнивать движение звезд
 С поведением никому не видных частиц,
 Ловят в воздухе звуки, не слышные уху,
 Напевают что-то, бормоча про себя, сочиняя
 Музыка или стихи.

Рой

Напряженность, дыхание жара, гул,
 Сгусток жизненного вещества
 Из рассеяния в пространстве.
 Тяжесть держится на себе сама.
 Копшатся, ищут места частицы,
 Чтобы наполниться общей силой,
 Обеспечить продолжение рода.
 Не пристроится лишь одна,
 Чуть взлетает, пробует снова.
 Никуда не денется, будет со всеми.
 Без роя не проживет.

Теория относительности

Боль, страх, уныние, скука, радость:
 Несхожи только причины — те же слова.
 Страх перед разорением, смертью,
 Перед зубным врачом или тюрьмой,
 Радость, когда родился ребенок
 Или лопнул нарыв, когда нашел рубль
 Или выиграл пять, десять тысяч —
 Называется одинаково. Сравнению поддается
 То, что можно измерить, пересчитать,
 Выразить в цифрах — слов других не найти.
 Может, правда именно в них. В пивной
 Неподалеку от кладбища подсел за столик
 Инвалид, блеснул стальными зубами.
 «Что загрустил? Налей-ка лучше и мне.
 Ты не один тут такой. Отойдут от могилки,
 Чего-то все не поймут, тоскуют.

Хочешь, я объясню? Потому что однажды
 Сам уже умирал, был ни за что посажен,
 Не сумел покончить с собой, вот, потерял
 Ногу — всего лишь. Тогда и освободился.
 Жизнь прояснилась вдруг, очевидна стала
 Теория относительности. Подведешь итог —
 Все уравнивается».

Сверчок

Уродец с длинным грустным лицом замлок,
 Смущенный, что обнаружен, такой невзрачный,
 Такой нескладный. Воображали б лучше
 Эльфа с изящной скрипкой, как на картинке,
 С фалдами, как у кузнечика. Затаился
 В своей застенной провинции, самоучка
 Застенчивый, интеллигентный бобыль. Играет
 Ночами всегда на той же нехитрой ноте,
 Не зная, как эта музыка может кому-то
 Скрашивать неуют одинокой печальной жизни.

Зеркало

Зеркало правды не скажет. Ему дано отражать
 Лишь видимую поверхность, стареющую оболочку.
 Дряблая кожа разношена, обвисли подглазья,
 Седет стерня щетины. Нет, это не весь я.

Во мне живет еще мальчик, наивно мечтавший
 Создать лекарство от смерти — я и сейчас такой.
 Юноша, полный любовной силы, стонавший ночами
 В одиночестве, неутоленный, не утих до сих пор.

В безразличном усталом стекле не увидишь,
 Сколько времен во мне, в каких я живу временах.
 Что оно может знать? Много ли все мы знаем
 О других, кого мимоходом отмечает наш взгляд?

Может, лишь заглянув под обложку этой тетради,
 Кто-то проникнет в скрытое обычно от глаз,
 Расслышит биение сердца, ощутит дыхание жизни,
 Так похожей на многие — и узнает свое.